



А. И. КЛИБАНОВ

<Тысячные меннонитские массы горят небывалым энтузиазмом в деле построения социализма в СССР>

<Фрагмент>

Совершенно неверно было бы, однако, думать, что все население меннонитских колоний единодушно выступило против революции. Отнюдь нет. Трудовая часть меннонитов примкнула к революционному движению русских рабочих и крестьян, против русских, меннонитских и прочих капиталистов. Даже меннонитские «историки» вроде Крекера, Вибе и др. вынуждены отметить участие трудящихся меннонитов в революции. <...> Павлодарское меннонитское крестьянство подняло революционное восстание и вместе с русским крестьянством с оружием в руках выступило против засевших в Павлодаре белогвардейцев. Совершенно очевидно, что в данном случае меннониты выступали не как меннониты, а как революционные трудящиеся крестьяне, ибо их выступление противоречило всем сектантским правилам.

Итак, какова была роль меннонитской секты в эпоху военного коммунизма и Гражданской войны? В этот период буржуазное ядро меннонитской секты пыталось в союзе с немецкой и белогвардейской военщиной свергнуть вооруженными силами советскую власть и установить в России диктатуру буржуазии. Это был период открытой вооруженной борьбы меннонитов с пролетарской диктатурой, откровенной борьбы за власть.

Поражение, которое потерпела буржуазия в этой борьбе, переход советской власти от политики военного коммунизма к нэпу, — эти обстоятельства вызвали к жизни и новые формы борьбы меннонитов с пролетариатом и социалистическим правительством. В этот период мы наблюдаем приспособленческую тактику меннонитов, характерную для всех религиозных организаций в эту эпоху.

Корни приспособленчества уходят в обстановку перехода к нэпу, в восстановительный период нэпа. Замена продразверстки продналогом, что вело к частичной реставрации рыночных отношений, денационализация мелкой промышленности, сдача в аренду ряда мелких и средних предприятий, снятие ограничений с кустарного производства, — все это было воспринято буржуазией как отступление партии и соввласти от основных принципов социалистического строительства, как отказ от диктатуры пролетариата, как эволюционное, постепенное сползание на рельсы капитализма.

Меннонитская крупная и средняя сельская буржуазия, мелкие промышленники и кустари облегченно вздохнули. Свобода рыночных отношений стимулировала для меннонитов расширение посевных площадей. Если в годы военного коммунизма меннониты почти что по всем культурам сократили посевные площади, то уже в 1922 г., через год после декрета ВЦИК о замене продразверстки продналогом (декрет был издан 16 марта 1921 г.), в колониях имеет место заметное расширение площади посева.

Восстановление рыночных отношений, давшее толчок к развитию сельского хозяйства, передача мелким меннонитским промышленникам принадлежавших им до революции предприятий, аренда меннонитами отдельных заводов, наконец, развитие кустарных промыслов, — все это в некоторой степени укрепляло капиталистическую базу в меннонитских колониях. В обстановке первого периода нэпа капиталистические слои меннонитского населения сделали прямую ставку на капиталистическое перерождение советской власти. Меннонитское кулачество и городская необуржуазия (хортицкая, гальбштадская и др.) отказались от тактики прямой вооруженной борьбы с Советами, на данном этапе совершенно непригодной. Меннониты направили все свои силы на то, чтобы «помочь» советскому строю капиталистически переродиться. Задача перед меннонитской буржуазией стояла ясная — ускорить процесс своего укрепления и перерождения советской власти. Вопрос «кто кого?» меннонитская буржуазия надеялась решить в свою пользу, она надеялась перетянуть на свою сторону середняка как центральную фигуру деревни, а по возможности и бедняка для борьбы с пролетариатом. Политика приспособленчества помимо прочих целей является тактической уловкой для привлечения полупролетарских и пролетарских элементов в ряды сектантства.

В отличие от баптистской, адвентистской и некоторых других сект меннонитское приспособленчество не носило ярко выражен-

ного характера. Меннониты не устраивали, подобно баптистам, молений за партийные съезды и не писали, подобно адвентистам, о горячем желании участвовать в социалистическом строительстве. Это следует объяснять тем, что по сравнению со всеми другими сектами в СССР среди меннонитов процент кулачества был наиболее высок.

Основной формой приспособленчества было создание по инициативе кулаков густой сети кооперативных организаций, которые в действительности были лжекооперативными и в руках кулаков и проповедников являлись мощным средством влияния на массы и эксплуатации их. В течение первой половины восстановительного периода нэпа в меннонитских деревнях возник длинный ряд сельскохозяйственных кооперативных организаций. Таковы Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество», «Союз голландских выходцев на Украине», «Кеппентальское общество потребителей», «Сельскохозяйственное товарищество “Тракт”», «Семенное товарищество “Меннонит”», «Остенфельдское семенное товарищество», «Малышинское сельскохозяйственное общество» и др. Наиболее крупными из них были «Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество», «Союз голландских выходцев на Украине» и «Кеппентальское общество потребителей». Последнее к началу 1923 г. имело около 1200 пайщиков.

Обладая большим запасом средств, все эти организации ставили в зависимости от себя середняцкие и бедняцкие меннонитские хозяйства. Они взяли на себя снабжение меннонитских хозяйств семенами, племенным скотом, промтоварами и т. д. В итоге в 1924–1925 гг. эти общества достигли такой силы, что с ними вынуждено было считаться большинство населения колоний. Оставив под тем или иным предлогом какое-нибудь хозяйство без снабжения, эти общества могли в корне подорвать его экономическую рентабельность. Эти «кооперативные» организации нередко снабжали население в долг деньгами. Все эти мероприятия усиливали зависимость середняцко-бедняцкой части колоний от кулачества и имели целью обеспечить поворот бедняцко-средняцких масс колоний на сторону капиталистов. Для этого кулаки прибегали к различным льготам и подачкам тем беднякам и середнякам, которые имели авторитет среди прочего населения.

Одновременно меннонитские кулаки всячески старались изолировать массы от какого бы то ни было влияния советских общественных организаций. Так, устав «Всероссийского меннонитского

сельскохозяйственного общества» решительно преграждал дорогу в общество «неменнонитам». В действительности это означало, что «Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество» наглухо отгораживалось от влияния партии и советов. Ибо среди того контингента лиц, которым названное общество ограничивало круг своих членов, коммунистов не было, и даже просто общественники имелись лишь в отдельных случаях. Все эти «кооперативные» общества воспитывали своих членов в ясно выраженном антисоветском духе. Они распространяли листовки, в которых противопоставляли советской действительности фермерские хозяйства канадских меннонитов, пропагандировали идею эмиграции из СССР и всячески играли на собственнической психологии середняка.

Что касается хозяйственной деятельности этой кулацкой кооперации, то она была построена целиком на принципе «Не обманешь — не продашь». Кулацкая кооперация была лишь маской для эксплуататорской и спекуляционной деятельности кулаков.

Меннонитские кооперативные организации просуществовали недолго. Они быстро обанкротились в глазах массы. По настоянию самих меннонитских масс в 1926 г. ликвидировался «Союз голландских выходцев на Украине». В 1928 г. такая же участь постигла «Всероссийское сельскохозяйственное меннонитское общество». Место кулацкой кооперации заняла подлинно общественная кооперация, направившая свою работу на социалистическое переустройство меннонитских хозяйств.

Вместе с окончанием восстановительного периода нэпа в основном меняется тактика меннонитской секты. Хотя рецидивы приспособленчества в самых разнообразных проявлениях замечаются до сих пор, тем не менее оно уже не является генеральной формой борьбы меннонитской буржуазии за реставрацию в СССР капиталистических отношений. Вершина и конец деятельности лжекооперативных меннонитских организаций совпадает с 1926–1927 гг., концом восстановительного периода. Однако еще раньше в деятельности всей системы меннонитской лжекооперации наметилась тенденция к перемене форм борьбы против социализма.

Это объясняется в первую очередь следующими двумя причинами: в 1924 г. меннонитская буржуазия основательно закрепилась и сумела привлечь к себе некоторые бедняцко-средняцкие слои, затем меннонитская буржуазия начала понимать, что игра на капиталистическое перерождение советской власти может со-

рваться, она увидела в самом нэпе те элементы, которые должны были в своем развитии привести к гибели остатки капитализма. Эти два фактора определили и тенденцию к открытым формам борьбы с пролетарской диктатурой и взметнувшуюся в колониях в конце 1924 г. волну контрреволюционных настроений и действий.

Меннониты начали соответствующим образом перестраивать всю работу своих «кооперативных» организаций. Антисоветская деятельность меннонитской буржуазии пошла по двум направлениям. С одной стороны, в ряде меннонитских селений (Розенбах, Николайполь, Великокняжеское) имели место прямые антисоветские призывы: кулаки пропагандировали против сдачи налогов, против подписки на займы и т. д. С другой стороны — меннонитская буржуазия связалась с канадскими организациями меннонитов в целях массовой эмиграции из СССР. Канадские меннониты создали специальное общество по кредитованию эмиграции и по размещению эмигрантов. В 1924 г. несколько сот меннонитских семейств эмигрировало в Канаду, предоставив пищу буржуазным правительствам для клеветы на Советский Союз.

Наконец в начале 1925 г. состоялся всеменнонитский религиозный съезд, за кулисами которого меннонитские кулаки очевидно договаривались о новых формах борьбы с соввластью. Смысл происходивших на съезде выступлений сводился к тому, чтобы требовать от советского правительства изоляции меннонитских колоний от каких бы то ни было общественных и коммунистических влияний. Делегаты, по существу, требовали, чтобы советское правительство не распространяло на меннонитские колонии действие своих законов, чтобы оно предоставило меннонитам «самостоятельный» (читай — капиталистический) путь развития. Именно таков был внутренний смысл съезда. Выражением этих требований явился меморандум, адресованный меннонитским съездом ЦИК'у СССР. В нем меннониты требовали, чтобы ЦИК разрешил:

«§1. Устраивать всякие религиозные собрания и собеседования в молитвенных и частных домах как для взрослых, так и для детей.

§2. Устраивать специально для детей и молодежи всякого рода собрания религиозного характера, хоры, преподавание закона Божия и вероучения в тех же помещениях по §1.

§3. Организовать детдома для детей меннонитов с воспитанием христианского характера.

§ 4. Удовлетворять нужды общин печатным словом — как Библиями, так и руководствами и пособиями и вообще литературой, не исключая периодической.

§ 5. Организовать библейские курсы для подготовки и усовершенствования духовных учителей.

§ 6. Признать школу нейтральной территорией, где изучаются науки без пропаганды за или против религии, учителям же предоставить право лично располагать своею честною жизнью и по своему усмотрению принимать или не принимать участие в жизни и строительстве общины.

§ 7. Освободить меннонитов как от воинской повинности, так и от всеобщего военного обучения, заменив эту службу общепольными работами для государства.

§ 8. Заменить присягу простым обещанием верности службе».

Одновременно с меморандумом, выразившим собой новый натиск капиталистических слоев меннонитов на пролетарскую диктатуру, на этом же съезде произошла последняя яркая вспышка отживающего приспособленчества. Съезд отправил на имя М. И. Калинина двурушническую и лицемерную декларацию...

В таких общих чертах встает перед нами меннонитская секта в годы восстановительного периода нэпа. Реконструктивный период, когда генеральная линия партии — индустриализация СССР — воплотилась в виде небывалого в истории социалистического строительства, когда на этой основе развернулось массовое колхозное движение, когда пролетариат перешел в широкое социалистическое наступление по всему фронту, — этот период по-новому определил все развитие меннонитства.

Меннонитское кулачество было одним из наиболее зажиточных и крепких отрядов кулачества в СССР и раньше и больше всех других кулаков ощутило на себе результаты социалистического строительства в СССР. В этом и следует усматривать причину того, что меннониты чуть ли не первые начали отказываться от приспособленчества и уходить в подполье с целью организации новых прямых выступлений против соввласти. Меннонитские кулаки раньше других поняли, что на буржуазное перерождение советского строя не приходится рассчитывать. Они отказались от своего своеобразного приспособленчества — лжекооперации и заменили его более открытыми и ожесточенными формами борьбы.

В борьбе с социализмом меннонитское кулачество применяет всевозможные методы, последовательно проводя иезуитские

лозунги: «Цель оправдывает средства», «В борьбе все средства хороши». Подкупы бедняков, злостное игнорирование советских законов, агитация против всех мероприятий соввласти и партии, террор и т. д. — вот средства этой борьбы. По своим формам она в известной мере имеет аналогию с эпохой Гражданской войны и военного коммунизма. Однако содержание, заключенное в этих формах, на этот раз иное. В рядах врага царит величайшая растерянность. Кулачество отчетливо сознает, что одними своими силами оно не сможет победить социализм. Поэтому еще больше, чем в годы Гражданской войны, меннониты делают сейчас ставку на интервенцию. В этой связи становится понятным та эмиграция из СССР, которая имела место осенью 1929 г.

К концу первого года пятилетки в меннонитских селах среди середняцких и бедняцких масс начала прокладывать себе путь коллективизация, и система ограничительных мер в отношении кулачества стала еще более жесткой и грозила перерасти на базе сплошной коллективизации в ликвидацию кулачества как класса.

Именно в это время меннониты затеяли эмиграцию из СССР. Эмиграция была с начала и до конца продуманным кулацким планом. Отмечены факты массового снабжения кулаками бедноты и середняков средствами на отъезд. В качестве внешнего повода для эмиграции выставлено было «притеснение религии в СССР». Такова была внешняя видимость, но сущность заключалась, конечно, не в этом. Организуя массовую эмиграцию из СССР, кулачество ставило себе две задачи: изобразить себя «мучениками», привлечь к себе общественные симпатии и подорвать в глазах масс авторитет соввласти, а также предоставить обильный материал буржуазной прессе за границей для травли СССР, дать лишний повод западным правительствам для усиления агрессивной интервенционистской политики.

Хотя кулакам не удалось увлечь за собой основные массы меннонитской деревни, все же известная часть бедняков и середняков поддавалась кулацко-проповеднической агитации. Несколько тысяч меннонитов прибыло в окрестности Москвы, собираясь оттуда выехать за границу. В течение всего маршрута следования эта меннонитская армия не переставала заниматься яростной антисоветской агитацией. Эта кампания кулаков кончилась провалом. Конечно, на Западе она была подхвачена и использована буржуазией, и с этой стороны надежды меннонитских кулаков оправдались. Но среди трудящихся она никакого успеха не имела.

Меннонитские кулаки, пытавшиеся окружить себя ореолом мученичества, не только не снискали себе общественных симпатий, наоборот — их провокационная политика была разоблачена массами. Эта кампания кулаков повела к еще большей размежевке трудящихся меннонитов от их контрреволюционной верхушки.

Сейчас уже выяснилось, что из уехавших за границу меннонитов сколько-нибудь сносно устроиться удалось одним кулакам. Остальные поддавшиеся на кулацкую агитацию меннониты попали в совершенно невыносимые условия. Очень многие из них погибли от голода и болезней. Оставшиеся в живых просят позволения вернуться в СССР. Летом 1930 г. некоторые меннонитские проповедники и кулаки снова было подняли агитацию за выезд, однако на этот раз затея их явилась мертворожденной. В широких массах она не нашла ни одного отклика. Классовый кулацкий смысл этой кампании был разоблачен самими меннонитами. Следующее заявление видного меннонитского проповедника до конца раскрывает карты:

Меннонитского проповедника Исаака Гергерда Петровича, проживающего в д. Подснежное, Славгородск. окр., Сибкрая.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мне сейчас 51 год. С 1904 года, т. е. в течение 25 лет, я бесменно являлся проповедником меннонитской общины, сначала в Анаповке, а затем в дер. Подснежное Славгородского окр. и, как все остальные проповедники, под видом проповедывания «слова Божьего» проводил — по заданиям старших меннонитских руководителей, получавших соответствующие задания от зарубежных меннонитских организаций, в частности меннонитской организации в Канаде, специально занимающейся вопросом эмиграции меннонитов, об-ва «Боарт» и др., агитацию против того, чтобы немцы-колонисты-меннониты вступали в колхоз, за то, чтобы они отказывались служить в армии, вели агитацию против хлебозаготовок, убеждали требовать преподавания закона Божьего и т. д.

Подкреплялась эта агитация заявлением, что это противоречит меннонитской вере, и как протест против этого усиленно рекомендовался массовый выезд немцев-меннонитов в Канаду, где ощущается большой спрос на дешевую рабочую силу, чем, безусловно, являются меннониты. Только результатом этой агитации меннонитов-проповедников можно объяснить возникшее у немцев-меннонитов в некоторых колониях стремление выезжать из СССР в Канаду. Возбуждавшие вопрос о выезде меннониты по своему социальному положению почти поголовно являются крупными кулаками-лишенцами и зажиточными.

Есть среди них и бедняки, но их очень мало, и они всецело находятся под влиянием у кулаков и проповедников. Естественно, что кулаки-лишенцы не хотят мириться с соввластью и ее политикой, ибо не могут дальше расширять свое хозяйство. То обстоятельство, что среди бедняцко-средняцких слоев колоний успешно развивается колхозное строительство, кулаки и зажиточные боятся лишиться дешевой рабочей силы из бедноты и, всячески используя религиозный фанатизм и национальные чувства меннонитов, путем агитации, а часто и угрозами и экономическим нажимом, стараются их удержать от вступления в колхозы. Когда же они видели, что теряют свое экономическое и политическое влияние в колониях, что бедняцкие и средняцкие слои колонистов вопреки агитации кулаков и проповедников становятся на сторону соввласти, то решили демонстративно уехать из СССР.

Задумываясь серьезно над тем, какой большой вред соввласти и крестьянству причиняет пропаганда, ведущаяся в СССР меннонитскими проповедниками, в которой принимал участие и я, я пришел к необходимости отказаться от проповедничества и порвать всякую связь с теми, которые еще продолжают вести антисоветскую пропаганду. Я убедился, что кулаки и богатеи хотят эксплуатировать основные массы немецкого крестьянства, советская же власть защищает их интересы и способствует крестьянству в его культурном, политическом и хозяйственном развитии.

Я не хочу дальше служить врагам советской власти — кулакам и заграничным капиталистам, не хочу больше участвовать в обмане немецких крестьян. Мысль отказаться от проповедничества у меня появилась уже два года назад, когда я поделился с проповедниками о своем намерении на собрании меннонитской общины дер. Подснежное... Услышав об этом, присутствовавшие на собрании проповедники с угрозами запретили мне сделать этот «безумный шаг», и я тогда открыто заявить о своем отказе от проповедничества не решился. Сейчас же я решил от проповедничества отказаться бесповоротно.

Заявляя о своем отказе от проповедничества и сознавая весь нанесенный советской власти своей агитацией вред, все же обращаюсь к Центральному исполнительному комитету первого в мире рабоче-крестьянского государства с просьбой восстановить меня в гражданских правах и дать возможность последние годы своей жизни отдать на пользу соввласти путем активного участия в проведении социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Проситель — быв. меннонитский проповедник
Исаак Гергард Петрович.

Открытая антисоветская деятельность меннонитского кулачества все больше растет по мере роста строительства социализма

в СССР. Когда в хортицкой группе намечалось раскулачивание, меннонитские кулаки организованно выступили против власти и партии и сделали попытку увлечь за собой бедноту и середняков. Так, за несколько дней до раскулачивания в селе Широком, где должны были быть раскулачены 12 кулаков, последние занялись прямым подкупом населения. Кулак И. Бергман подарил беднякам соседнего села Розенбах две коровы, кулак Абрам Петерс — тоже две коровы, кулак Дик подарил беднякам лошадь и т. д. Накануне раскулачивания на квартире у кулака Энса состоялось кулацкое совещание, в котором принимали участие проповедники Зименс, Гисбрехт и Нейфельд. Совещание разработало план антисоветских действий, который предстояло провести в жизнь. Ответственными исполнителями были избраны проповедники. Действительно, на следующий день кулак Энс и проповедники разошлись по окрестным селам (Розенбах и др.), рассказывая с притворным ужасом населению, что «большевики выселяют все Широкое», что «нужно притти на помощь братьям». Под их предводительством толпа в несколько сот человек меннонитов, состоявшая из кулацких элементов, подкулачников, из несознательной части бедняцко-середняцкого населения (особенно женщин), наконец, из подкупленных бедняков, с криками «притесняют веру», «не дают молиться», «верните мучеников» (раскулаченных), на повозках и верхом въехала в Широкое. Во главе ехали проповедники и кулаки, которые поставили перед местными властями конкретное требование: «Вернуть раскулаченных». Кулаки настаивали, чтобы власти удовлетворили это требование на глазах массы. В возбужденную и экзальтированную толпу проповедники бросали махровые антисоветские призывы. Местным властям стоило огромных усилий успокоить массу, возбужденную проповедниками и кулаками. Даже после того, как масса пришла в себя и разошлась, проповедники и кулаки продолжали возбуждать население. Они стали разъезжать по более отдаленным участкам, распространяя контрреволюционные вымыслы и пропагандируя идеи восстания против советской власти. Однако меннонитская трудовая масса всякий раз (напр., в Николайполе) с презрением прогоняла от себя контрреволюционеров.

Так или иначе эпизод, разыгравшийся в Широком, заслуживает внимания. Это не случайный эпизод. По своей форме и содержанию он глубоко родственен, как бы парадоксально это ни звучало, федоровщине. И федоровщина, и имяславщина, и рассмотренное нами

явление в меннонитстве вызваны одним и тем же. Они вызваны новым этапом социалистического строительства, последним этапом нэпа, вступлением СССР в период социализма. Это — реакция кулака против наступления социализма по всему фронту.

Дальнейшая тенденция в развитии меннонитства — она начинает осуществляться уже сейчас — это отход от меннонитства всей массы трудящихся и превращение меннонитской секты в боевую контрреволюционную кулацкую организацию, которая, возможно, сбросит уже и религиозную маску.

Активность меннонитской массы растет, она преодолевает кулацко-проповедническое вредительство. Тысячные меннонитские массы горят небывалым энтузиазмом в деле построения социализма в СССР. В 1930 г. в том же Широком бедняк, быв. меннонит, тов. Петко организовал колхоз, в который сразу же вошло 16 дворов. Колхоз в Широком, несмотря на всевозможные помехи, чинимые колхозникам проповедниками и подкулачниками, с самого начала добился многих успехов.

Активность масс идет и по линии безбожия. К сожалению, местные организации СВБ еще не перестроились, они не умеют еще эту активность организовать. Между тем имеются все предпосылки для безбожной работы. За последние годы в меннонитском населении произошел исключительный по глубине и размаху перелом. Решительно и бесповоротно массы стали на путь социализма.

Меннонитство гниет заживо. Умирая, оно мстит социалистическому строительству в злобе, столь же бешеной, сколь и бессильной. Напрасные потуги. Кулакам и проповедникам не удастся повернуть массы назад. Твердо ставшие на путь социалистического строительства массы с презрением отряхнут от себя религиозную пыль.

Они выходят на путь воинствующего безбожия.

